DOI: 10.17117/na.2015.10.04.072

<http://ucom.ru/doc/na.2015.10.04.072.pdf>

Поступила (Received): 30.10.2015

Евдокименко В.А., Сафронов В.В. К вопросу идентификации российской правовой системы

Evdokimenko V.A., Safronov V.V.
The question of identification russian legal system

Представлена попытка рассмотреть вопрос уникальности российской правовой системы с различных позиций: формально-юридической, социально-экономической, управленческой, национально-географической. Российская правовая система исследуется как совокупность источников права и юрисдикционных органов; как иерархия норм, юридических стимулов и ограничений социального поведения; как управленческая структура, как феномен духовной жизни и т. д.

Ключевые слова: система, анализ, правовая культура, идентификация, методология, форма, социум

An attempt to consider the issue from different perspectives: formal-legal, socio-economic, administrative, national geographic. As a set of sources of law and jurisdictional bodies; as a hierarchy of norms, legal incentives and constraints of social behavior; as the management structure, as a phenomenon of the spiritual life

Key words: system analysis, legal culture, identification, methodology, form society

Евдокименко Василий Александрович

Студент

Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М.Ф. Решетнева

г. Красноярск, пр. Красноярский рабочий, 31

Evdokimenko Vasiliy Aleksandrovich

Student

Siberian state aerospace university named M.F. Reshetnev

Krasnoyarsk, Krasnoyarsky Rabochy ave., 31

Сафронов Вячеслав Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой

Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М.Ф. Решетнева

г. Красноярск, пр. Красноярский рабочий, 31

Safronov Vyacheslav Vladimirovich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Department

Siberian state aerospace university named M.F. Reshetnev

Krasnoyarsk, Krasnoyarsky Rabochy ave., 31

Что придает национальной правовой системе сущностный смысл, делающий это явление именно данным, особым качеством в мире правовых феноменов? Однозначный ответ на этот вопрос, скорее всего, затруднителен. Правовая система может рассматриваться как общее явление правовых цивилизаций, как такая сущность, которая служит институциональным «вместилищем» основных компонентов правового воздействия на поведение человека, где бы он ни жил [1, с. 12].

Этой интерпретации соответствует «общее» понятие правовой системы. Не подлежит сомнению, что все правовые системы, существующие в мире, удовлетворяют тем или иным общим критериям, соответствующим с правовой точки зрения большинству известных миру цивилизаций.

Существует и часто господствует методология, рассматривающая право как абстрактный, позитивно-универсальный элемент человеческих отношений. Этот подход имеет глубокую историческую традицию, в том числе в отечественной и зарубежной правовой науке. «Чистое учение о праве есть теория позитивного права: позитивного права вообще, а не какого-либо конкретного правопорядка [2, с. 4], – начинает свою известную работу Г. Кельзен. Это общее учение о праве, а не интерпретация отдельных национальных или международных правовых норм» [3, с. 41].

Однако не исключен и иной ракурс исследования, если его предметом станет правовая система конкретной страны, народа, исторического времени, определенной культуры и географического ареала. В этом случае на первый план выходят не абстрактнологические и универсально-объяснительные операции, а методы, выявляющие культурно-исторические и этно-типологические признаки правовой системы, которые позволяют представить ее как отдельный, особенный, специфический уникальный феномен правового мира.

Следует отметить, что отечественная наука располагает весьма незначительными данными о правогагенезе и юридических архетипах славянских народов. В правовой науке много исследований о возникновении и развитии права вообще, как логикоисторического процесса; имеются работы о праве в древневосточных, античной, современной европейской, латиноамериканской культурах, но почти нет работ, посвященных специфически отечественному правообразованию. Между тем могут рассматриваться как вполне актуальные и самостоятельные такие проблемы, как гагенезис русского права, специфика его формы, институтов, история русского правосознания и т. д.

Если наиболее распространенным способом объяснения советской государственно-правовой системы был классовый подход, то теперь, по мнению С. С. Алексеева, «классовый фактор следует рассматривать не сам по себе, а как один из элементов широкой социальной палитры, то есть в контексте целостности тесно и многообразно взаимодействующих социальных феноменов» [4, с. 3].

Конкретная, в том числе научно-познавательская практика Российской правовой системы, уже сейчас дает все больше оснований вопросу: могут ли вообще либеральные правовые ценности выполнить колоссальной трудности задачу – служить методологической основой нового этапа развития отечественного государства и права, российского правоведения, подготовка следующего поколения юристов для России?

Так, приверженность нашей науки «новым» либеральным подходам уже при современном изложении, например, вопросов юридической типологии, приводит к тому, что из классификации основных правовых систем современности российская правовая система просто выпадает.

Например, в курсе лекций «Общая теория права», вышедшем в 1993 году и предназначенном для российских студентов, в разделе, посвященном харак-

теристике правовых систем мира его автор проф. А. Х. Саидов рассматривает романо-германскую правовую семью, англо-саксонскую, мусульманскую, даже латино-американскую и скандинавскую. Российской же ни «отдельно», ни «в составе» [5, с. 58].

Но разве нет русской, славянской, наконец, правовой культуры, государственности? Или они начинаются только после краха Советской власти? Это и есть последствия марксистского материализма (в стране практически нет научных работ по теории русской правовой системе). Не определяя места отечественной правовой системы в глобальной правовой типологии наша наука фактически уходит от вопроса об отечественной правовой культуре. Исследование правовых систем с классово-материалистических методологических позиций не вызывает необходимости в культурной идентификации российского права, отслеживании его исторических корней и преемственности.

Одним из фундаментальных уроков прошедших десятилетий является тот, что механические заимствования существующих за рубежом идеологий (марксизм, либерализм, позитивизм и т. д.), придание им базовых для России значений не только не способны радикально «улучшить» отечественное правосознание и правовую культуру, но и наносит реальный ущерб российской правовой системе.

Политические попытки ассимилировать отечественное государство и право с Западом, на какой бы идеологической основе это не делалось (коммунизм, капитализм, и т. п.), с западными политическими и правовыми институтами на практике ведут к еще большим структурным противоречиям и хаосу в нашей государственно-правовой системе.

С другой стороны думается, что недопустимо уйти в диаметрально противоположенную крайность исследования российской правовой системы. В качестве одного из примеров такого подхода можно привести саму по себе интересную и полезную попытку А.Н. Семитко выявить истоки русского права в славянской мифологии. Применение научных методов, наложенных на принятую за универсальный «общечеловеческий» образец античную форму, приводят [6, с. 38] автора к сомнительным механическим выводам об отсталом характере русской правовой культуры. В частности, «сравнивая» мифологию древних славян, и не обнаруживая у славян образцов и типов, имевшихся в греческой мифологии, автор сетует: «Не найдем мы в русской мифологии и такого важного и абсолютно необходимого для внедрения в жизнь правовых начал символа пред-права, как весы, свидетельствующего об осознании людьми таких понятий, как мера, мерность, соразмерность деяния и воздаяния за него» [7, с. 23].

Между тем у разных этносов существуют разные регулятивные формы и символы, что вовсе не свидетельствует о какой-то «несознательности» народов, принадлежащих к иной культурной традиции.

Древние славяне имели весьма развитую систему мифологического осмысления мира, характеризующуюся в духовном отношении высокой индивидуальностью и значительной предправовой продвинутостью [8, с. 228].

Поэтому оставляя в стороне странные утверждения о весах как «абсолютно необходимом» средстве для «внедрения» в жизнь правовых начал и отсутствия у славян представлений о соразмерности деяния и воздаяния, следует отметить, что такого рода обобщения свидетельствуют об ограниченности поверхностно-позитивистских «сравнений», традиционных для европоцентристской манеры советского и постсоветского правоведения [9, с. 34].

Таким образом, данный подход к исследованию правовой системы характеризуют следующие принципиальные черты [9, с. 76].

1. Отождествление общетеоретического понятия права с юридическими явлениями у конкретных народов, где эти явления принимаются за эпистемологический образец. В частности, генезис права отождествляется с конкретно-историческим развитием западноевропейских правовых систем.

2. Широкое использование принципа редукционизма – сведение права к каким-то одним, прежде всего, позитивным формам его проявления. Как правило, это внешние, предметно-фиксированные средства контроля за поведением (весы, богиня правосудия, законодательство, государство и т. п.), что приводит к одномерному объяснению, а отнюдь не культурологическому пониманию юридических феноменов.

3. Схематизация истории правовой культуры, подмена ее сущности сетью изменяющихся во времени причинных зависимостей и «условий», где главным способом познания права выступает подведение позитивного «правового» факта под какую-то стадию или «уровень» некоей универсальной системы «закономерностей» (экономической, политической, социальной и т. д.).

В результате применения данной методологии российской правовой системы в качестве объекта изучения замещается различными социально-экономическими (марксизм), формально-юридическими (позитивизм) факторами, причинами, в изобилии содержащимися в окружающей реальности. Это – отражение в правоведении известной познавательной ориентации на открытие неких всеобщих, универсальных для всех стран и народов законов развития. Такой абстрактный глобализм, все равно, реализуется ли он на путях классового детерминизма, либо каких-то планетарных общечеловеческих ценностей, приводит, как правило, к утратам специфичного, конкретного в российской правовой культуре [9, с. 98].

О том, насколько глубоко доктрина европоцентризма «въелась» в ткани отечественной правовой мысли, свидетельствует сама позиция, с которой отечественные авторы отстаивают самостоятельность русского права. Так, Э. В. Кузнецов, предпринявший интересное исследование российской философии права, возражая тезису Р. Давида о слабости юридических традиций в России, пишет: «Вопреки утверждениям буржуазных юристов «о слабости юридических традиций в России» русская правовая наука того периода (XVIII век) не только успешно воспринимала передовые идеи западноевропейских мыслителей, но и вносила свою лепту в их развитие. Внесение лепты» заимствованные идеи – таков, вероятно, по мнению автора, главный аргумент в обоснование существования теории русского права и русской правовой традиции [10, с. 56].

Кредо этой позиции можно сформулировать так: «Россия – западная страна. Однако эта страна в силу исторических причин отстала от других западных стран. Поэтому науке остается педантично систематизировать шансы, упущенные Россией на перекрестках истории и перечислять исторические события, замедлившие развитие России по западному, разумеется, образцу, вздыхать и горевать по поводу ее «несчастливой политической судьбы» [11, с. 32].

Существуют объективные пределы произвольного вмешательства в правовую систему, тесно связанную с жизнедеятельностью людей, их национальными традициями и особенностями, образом мышления.

В связи с этим в тщательном изучении нуждаются культурно-исторические основы отечественной правовой системы.

Требуется изучение собственных социально-культурных, исторических и специально-юридических основ российской правовой системы.

Трудность культурно-исторического анализа российской правовой системы имеет, прежде всего, методологическую природу. В стране долгое время не проводились исследования России как целостного культурного и духовного явления, которые могли бы служить отправным пунктом для изучения правовых образов национального жизненного уклада.

Другое методологическое затруднение культурно-исторического анализа современной правовой системы России состоит в точном определении самого предмета такого исследования [12, с. 152].

Первое приближение к определению этого предмета приводит к выводу о исторической, культурно-географической и даже этимологической сложности и недостаточной определенности прилагательного «российская» применительно к феномену действующей правовой системы.

Дело в том, что не прекращаются споры о современном геополитическом статусе России, о содержании понятия «Россия» применительно к конкретному территориальному, этническому и культурно-историческому пространству; во многом неясно соотношение русского и нерусского компонентов в нынешней федеративно-правовой организации страны, «российских», «русских», «советских» и иных элементов в ее правовом укладе. Нуждается, таким образом, в изучении сама концепция России – смыслообразующая основа таких фундаментальных категорий правоведения, как российский народ, российское государство, российское право, российская правовая система.

Вопросы, которые возникают в исследовании российской правовой системы ввиду отмеченных методологических затруднений, примерно следующие. Существует ли в сегодняшнем мире такая этно-правовая и культурно-географическая целостность, как российская правовая система? Не является ли эта категория лишь механическим пролонгированием понятий «действующее российское законодательство» и «позитивный российский правопорядок»? Обоснованы ли в современных условиях такие номинации, как «русское право», «русская правовая система», либо это феномены исторического прошлого России? [13, с. 112].

Исторические судьбы России дали серьезные основания к пересмотру ее места в устоявшихся схемах формационного и общечеловеческого объяснений.

Пришло, вероятно, время подойти к отечественной правовой системе не с позиций обобщений, а как к явлению индивидуальному, неповторимому, имеющему свои собственные духовные источники и метафизику, не укладывающиеся в существующие типологии.

Назрела необходимость в одухотворении права, государства, правоправедения, предоставлении им возможностей культурно-юридической идентификации не только там, где имеются традиционные продукты деятельности государственной власти, но и в сферах подлинно человеческих отношений – морали, религии, национальной специфики.

Следует отметить важное культурно-правовое значение различных юридических памятников России: сборников обычного права, решений Земских и церковных Соборов, Судебников, кормчих, уставов, договоров, указов, Конституций, Основ законодательства, кодексов, законов и прочих актов, действовавших и действующих в рамках отечественной правовой истории.

Советская теория права, до самого последнего времени построенная на диалектико-материалистической методологии, во многих своих продуктах довольно шаблонно трактовала отечественные правовые явления как порождения экономического строя и классовой сущности социалистического государства. Правовой дух, смысл отечественных юридических явлений не мог быть выявлен и тогда, когда на смену марксизму в правовые исследования пришла парадигма общечеловеческих ценностей. В плотной среде либеральных построений российской правовой системы остается мало места духовным фактам отечественной правовой культуры.

Результатом утраты правом культурных корней был исключительно законодательный, формально-управленческий фетишизм правовой системы. Его последствиями стали широкая бюрократизация государства и правовой деятельности, правовой нигилизм в сфере общественного сознания. Правопорядок сделался заложником результатов искусственного формирования законов в отрешенных от духа культуры бюрократических коллективах. По соображениям законности люди вынуждены подчас жить по мертвым построениям политизированных юристов, произвольно ими либо заимствованных из чужих социальных контекстов. Утрачивая национальную идентичность, отечественное правосознание лишалось мыслительного, иррационального элемента, питающего его тайну, глубинные источники самосохранения, от работы которых зависит эффективность всякого позитивного законодательства [14, с. 65-59].

Российская правовая система, прежде всего, должна воплощать отечественные культурные ценности. Только в этом случае можно освоить потенциал юридических достижений народов и извлечь из него действительную пользу человеку.

Список используемых источников:

1. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1-2. СПб., 2011. 58 с.
2. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1, 2. М.: ИНИОН, 1987-1988.
3. Швейков Г.В. Преемственность в праве. М.: Высшая школа, 1983. 96 с.
4. Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Сов. гос-во и право. 1991. № 2. С. 5.

5. Саидов А.Х. Юридическая типология и основные правовые системы современности. Общая теория права. Н. Новгород, 2010. С. 49-84.
6. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 2010.
7. Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993.
8. Семитко А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск: изд-во Урал. гос. ун-та, 2010.
9. Сурилов А.В. Теория государства и права. Киев-Одесса: Высш. шк., 2011. 439 с.
10. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. М.: Норма, 2012. С. 120.
11. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. М.: Норма, 2012. С. 100.
12. Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С. 45.
13. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. I. М.: Юрид. лит., 2011. 360 с..
14. Виленский Б.В. Лекции по истории государства и права СССР. Ч. I. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 223 с.
15. Карташов В.Н. Юридическая деятельность в социалистическом обществе. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2011. С. 65-69.

© 2015, Евдокименко В.А., Сафронов В.В.
К вопросу идентификации российской правовой системы

© 2015, Evdokimenko V.A., Safronov V.V.
The question of identification russian legal system